УДК 340.12

Проблема профессионального правосознания в правоохранительной сфере

В.В. Кожевников,

доктор юридических наук,

профессор кафедры теории и истории государства и права
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Россия, Омск

hta6973@rambler.ru

Анализируется профессиональное правосознание юристов-практиков с точки зрения диалектического подхода, акцентирующего внимание как на положительных, так и на отрицательных его свойствах. Утверждается, что высокий уровень недеформированного правосознания выступает основой правовой культуры юристов. Последняя же является составной частью профессиональной культуры, которую необходимо учитывать в системе факторов, влияющих на эффективность правоприменения.

Ключевые слова: правосознание, компетенции, профессиональный опыт, профессиональная культура, эффективность правоприменения.

Поводом для написания данной статьи явилась объективная оценка компетентностного подхода в обучении юристов в высших образовательных учреждениях страны в части формирования правосознания будущих правоприменяющих субъектов, «от уровня развитости которого, от содержания и характера присущих ему юридико-ценностных установок и ориентаций во многом зависит качество деятельности государственного аппарата и в целом надлежащее осуществление государственных функций» [29, с. 272].

На данном этапе развития российского общества можно наблюдать общую тенденцию в российской науке — применять компетентностный подход в образовании как ключ к формированию и оценке профессиональных возможностей педагога и оценке качества учебных достижений обучающихся. Привлекательность данного подхода заключается в его практической направленности. В рамках компетентностного подхода конечная цель всякого обучения состоит в том, чтобы обучаемый освоил такие формы поведения и приобрел такой набор знаний, умений и личностных качеств, которые позволят ему успешно осуществлять ту деятельность, которой он планирует заниматься, т. е. обучаемый должен обладать необходимыми для этого компетенциями.

Полагаем, что проанализированный компетентностный образовательный подход имеет ряд положительных характеристик и требует серьезного отношения составителей к формулированию как общекультурных, так и профессиональных компетенций, в том числе юристов. Анализ же компетенций юристов-бакалавров показывает обратное. Например, одна из компетенций формулируется так: «Осознает

социальную значимость своей будущей профессии, обладает достаточным уровнем профессионального правосознания». Очевидно, что эта компетенция не соответствует общетеоретическим положениям юридической науки. Как раз противоречие содержания данной компетенции и теории правосознания и обуславливает актуальность этой научной статьи.

Полагаем, что выпускник юридического вуза имеет обыденный уровень правосознания, однако у него лишь начинает формироваться профессиональное правосознание. Студенты, изучавшие такую важную методологическую науку, как теория государства и права, хорошо знают, что профессиональное правосознание состоит из взглядов, складывающихся у работников, непосредственно занимающихся юридической деятельностью и имеющих профессиональные правовые знания и опыт работы (судьи, адвокаты, следователи, прокурорские работники, иные госслужащие, юрисконсульты и т. д.). Профессиональное правосознание формируется на основе получения юридического образования и юридической практики [35, с. 46].

В.И. Червонюк подчеркивает: профессиональное правовое сознание — это представление о праве, которое формируется у служащих государственного аппарата (в особенности у юристов-практиков) на основе мировоззренческой идеологии и специальных юридических знаний и аккумулирует юридическую практику, опыт применения права, компетентное понимание всех сторон его содержания [51, с. 463]. И.А. Иванников, может быть весьма упрощенно, трактует профессиональное правосознание через призму понятий, представлений, идей, принципов, стереотипов, складывающихся в среде юристов-профессионалов

[13, с. 281]. Н.Я. Соколов считает, что правосознание юристов (профессиональное правосознание. — *В.К.*) можно определить как «одну из коллективных форм правового сознания, выступающую как система правовых взглядов, знаний, чувств, ценностных ориентаций и других структурных образований правового сознания общности людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью, которая требует специальной образовательной и практической подготовки» [46, с. 12].

Думается, что среди множества научных воззрений на понятие и особенности профессионального правосознания выделяется точка зрения В.Д. Попкова, трактовавшего его как научно обоснованную, стройную систему правовых знаний, убеждений и чувств, которой юрист руководствуется в своей деятельности. Автор замечает, что по уровню отражения права оно относится к теоретическому сознанию и вместе с системой теоретических знаний об общих принципах права, правовой жизни общества включает также определенные систематические познания в какой-либо конкретной сфере права, например, гражданского, финансового, торгового, трудового, семейного, административного, экологического, уголовного [34, с. 806].

В контексте дальнейшего содержания данной статьи интерес представляет точка зрения С.С. Алексеева, в свое время полагавшего, что «профессиональное правосознание — это представление о праве, формирующееся у юристов-профессионалов, специалистов-правоведов на основе мировоззренческой идеологии и специальных юридических знаний и аккумулирующее юридическую практику, *опыт применения права* (выделено нами. — *В.К.*), компетентное понимание всех сторон его содержания, в том числе специально юридического содержания» [1, с. 149].

Думается, что следует критически оценить позицию Р.Х. Макуева, который, во-первых, необоснованно расширяет круг субъектов профессионального правосознания, отнеся к ним «людей, непосредственно занятых правотворческим процессом, правоприменительной, преподавательской деятельностью, научными исследованиями в сфере юриспруденции и т. д.». Во-вторых, как представляется, автор идеализирует этот вид правосознания, говоря, что «главное для юридического профессионального правосознания — наличие таких элементов, как правовая убежденность, ее устойчивость, отсутствие профессиональной деформации... способность юриста-профессионала преодолевать деформирующие факторы в профессиональной деятельности» [22, с. 416]. В равной мере это относится и к точке зрения

других авторов. Так, С.П. Малахов утверждает, что юриста-профессионала должно отличать не просто устойчивое положительное отношение к праву и практике его применения, а внутреннее согласие с правовыми предписаниями и ценностями, понимание полезности, необходимости и справедливости их применения, привычка соблюдать правовой закон. Автор полагает, что для юриста-профессионала характерна резкая и активная отрицательная реакция на преступность, высокая оценка актуальности проблемы борьбы с преступностью [23, с. 435]. В.И. Власов и Г.Б. Власова полагают, что «профессиональное правосознание оценивает право как необходимое и полезное для общества явление, а его нормы как целесообразные и справедливые правила, признает право как фактор, обеспечивающий стабильность в обществе» [5, с. 298].

Более широко характеризует профессиональное правосознание Л.А. Морозова, анализируя его с позиции диалектического подхода. С одной стороны, автор обращает внимание на то обстоятельство, что его носителями являются юристы различных направлений деятельности, имеющие специальную юридическую подготовку, обладающие обширными знаниями в области права и практики его применения, понимающие ценность правопорядка и законности в обществе. По мнению ученого, такое правосознание должно отличаться высокой устойчивостью, готовностью следовать его предписаниям; ему присущ высокий уровень развития, что предполагает максимально полную информированность, установку на активное, творческое правомерное поведение (повидимому, здесь речь идет о правоактивном правомерном поведении. — *В.К.*). Однако, с другой стороны, отмечается, что профессиональному правосознанию свойственны и деформации, порождаемые юридической практикой, например, обвинительный уклон, формализм, стремление действовать в соответствии с «буквой», а не «духом» закона [27, с. 271]. В принципе эта точка зрения соответствует позиции, согласно которой профессиональное правосознание характерно для людей, имеющих специальную юридическую подготовку. Здесь в равной степени наличествуют приобретенная в учебном заведении правовая идеология и то, что привносится в сознание опытом квалифицированной работы. Как пишут авторы, его особенность состоит в доскональном знании правовых норм, регулирующих тот или иной вид юридической деятельности. Далее подчеркивается, что в принципе профессиональное правосознание характеризуется устойчивостью и положительным отношением к праву.

Однако наряду с положительной характеристикой правовых установок профессиональных юристов исследователи отмечают своего рода профессиональную деформацию их сознания, его притупленность и внутреннюю раздвоенность [37, с. 340—341]. На отрицательные свойства профессионального правосознания юристов указывает Т.В. Синюкова, подчеркивая, что ему свойственны и искажения, и деформация («обвинительный» или «оправдательный» уклон, бюрократизм, равнодушное отношение к человеческой беде и т. д.) [44, с. 619].

Обращая внимание лишь на положительную сторону профессионального правосознания юристов, авторы указывают, что оно предполагает, кроме указанных требований, уважение к праву [36, с. 404]. В.Л. Кулапов и А.В. Малько пишут: профессиональное правосознание формируется прежде всего на основе юридической практики, а также под влиянием правовой идеологии и науки. Взгляды и убеждения юристов-профессионалов играют важную роль в реализации (применении. — *В.К.*) юридических норм. Юрист-практик должен не только хорошо знать действующий закон и уметь применять его, но и быть готовым к самообучению в условиях постоянно меняющейся действительности [18, с. 181]. Думается, что ученые вполне обоснованно обращают внимание на необходимость самообучения, учитывая нестабильность российского законодательства и, пожалуй, самый динамичный и имеющий тенденцию устаревания элемент правосознания — правовые знания.

На наш взгляд, интересные и вполне аргументированные рассуждения по поводу профессионального правосознания высказывал Л.И. Спиридонов, замечавший, что многочисленные эмпирические исследования показывают, что различные профессиональные группы правоведов неодинаково воспринимают юридическую действительность, хотя все они получили высшее юридическое образование. Автор полагал: «Столь пестрое многообразие правосознаний объясняется тем, что, казалось бы, единый теоретический взгляд на право преломляется через функционально различные виды практической деятельности, включая законодательную и правоприменительную» [47, с. 126]. Иными словами, Л.И. Спиридонов обращал внимание по крайней мере на два обстоятельства. Во-первых, на дифференциацию профессионального правосознания. Во-вторых, на приоритет юридической практики по отношению к специальному юридическому образованию в формировании анализируемого вида правосознания. Соглашаясь с тем,

что профессиональное правосознание складывается в ходе специальной подготовки и в процессе осуществления практической юридической деятельности, В.Д. Перевалов, на наш взгляд, вполне обоснованно акцентирует внимание на таких его характеристиках, как наличие специализированных, детализированных знаний действующего законодательства и умений и навыков его применения [33, с. 234—235]. Схожая позиция по рассматриваемой проблеме имеется у П.П. Баранова, который подчеркивает: «Эта разновидность правосознания отличается тем, что его духовные элементы неразрывно связаны с умениями и навыками практического познания правовых норм и их применения» [3, с. 478].

Более подробно с позиции системно-структурного подхода характеризуют профессиональное правосознание юристов Э.В. Кузнецов, В.П. Сальников, В.А. Сапун, В.П. Федоров, Н.Г. Янгол, утверждающие, что преобладающими в указанном виде правосознания являются рациональные компоненты, в основе которых лежат специализированные знания о правовых нормах и принципах, представления о механизме правового регулирования в целом. Ставя вопрос о том, что же означает специализированность юридических знаний, ученые отвечают на него следующим образом. Во-первых, они отличаются конкретностью и детализированностью. Профессиональные юридические знания не могут быть ограничены общими представлениями о правовых явлениях; для правоприменительной деятельности необходимо проникновение в глубину содержания правовых норм, детальные представления об обстоятельствах, при наступлении или ненаступлении которых норма вступает в действие, о юридических последствиях, которые наступают при неисполнении правил надлежащего поведения, изложенных в правовой норме. Причем детализированность правовых знаний, их конкретность должна отвечать практическим потребностям на определенном участке правоприменения. Во-вторых, специализированность профессиональных правовых знаний проявляется в их системности. Правоприменительная деятельность не может быть обеспечена при помощи разрозненных юридических знаний правоприменителей, их простой совокупности. Это связано с системностью права, с тем, что нормы права не действуют изолированно. Так, применение норм материального права происходит в рамках соответствующих норм процессуального права, применение регулятивных и правоохранительных норм осуществляется с учетом норм специального действия. В-третьих, специализированность профессионального правосознания

проявляется в умении практического применения юридических знаний.

Подводя промежуточный итог, касающийся рациональной составляющей профессионального правосознания юристов, авторы подчеркивают, что умения применять юридический инструментарий предполагают не только знание и понимание правовых норм, но и овладение данными юридической практики, включая технику юриспруденции. Поэтому специализированность юридических знаний достигается как в результате специального правового образования, так и в процессе практической правоприменительной деятельности [25, с. 58—60].

Анализируя профессиональное правосознание, Т.Н. Радько отмечает: это правовое сознание тех граждан, которые обладают твердыми знаниями в юриспруденции и способны правильно применять эти знания в юридической практике, т. е. юристов [38, с. 740]. Данная трактовка профессионального правосознания является весьма спорной по той причине, что граждан вряд ли можно признать в качестве правоприменяющих субъектов. В этом отношении следует согласиться с положением, согласно которому профессиональное правосознание отождествляется с официально-должностным правовым сознанием [36, с. 404]. Полагаем, что критически можно оценить понимание профессионального правосознания Н.М. Чистяковым, по мнению которого оно «складывается в результате специальной подготовки (здесь следует акцентировать внимание на специальной юридической подготовке. — В.К.), включает в себя умение грамотно применять правовые нормы и реализовывать юридические знания» [52, с. 200]. Общеизвестным фактом является то, что реализация юридических знаний юристами-практиками осуществляется в форме правоприменения.

По вопросу понятия профессионального правосознания привлекает внимание позиция Л.П. Рассказова, который, отождествляя его со специализированным правосознанием, полагает, что оно складывается в результате юридического образования и профессионального опыта [39, с. 443].

Действительно, профессиональное сознание юристов можно, с одной стороны, характеризовать положительно, ибо благодаря ему правоприменяющий субъект оперативно ориентируется в той или иной юридической ситуации и принимает законное, обоснованное, целесообразное и справедливое решение по конкретному делу. Такая характеристика профессионального сознания предполагает наличие профессионального опыта правоприменения, на который в юридической литературе неодно-

кратно обращалось внимание ученых [19, с. 192]. Профессиональный опыт правоприменяющих субъектов, обобщая их правовые знания, умения и навыки, помогает ориентироваться в доказательственной информации, осуществлять отбор всего необходимого для правильного разрешения конкретного юридического дела с учетом требований норм материального и процессуального права. В.Н. Карташов и А.В. Тимофеев, трактуя личный юридический опыт как сохраненную в долговременной памяти отдельного человека систему юридических «сценариев», отражающих социально-правовые ситуации реальной действительности, а также закрепленные знания, навыки, умения, привычки и т. п., приобретенные им в процессе воспитания, образования и практической деятельности [14, с. 117], весьма обоснованно подчеркивают следующее: «Когда субъект обладает достаточным личным опытом регулирования определенной сферы общественных отношений, он не только точно знает цель и задачи юридической деятельности, но, что еще значительно важнее, он может четко определить, каким образом в конкретной ситуации можно наиболее рационально и эффективно воздействовать на объект регулирования, чтобы получить необходимый результат» [14, с. 118].

Положительная сторона этого явления очевидна: профессиональный опыт сокращает время, нужное для принятия решения. Видимо, не случайно в литературе подчеркивается, что ни в одной другой профессии не имеет такого значения профессиональный опыт, как в работе следователя, других субъектов правоприменения [4, с. 167]. Более того, на наш взгляд, профессиональный опыт следует рассматривать в качестве предпосылки для проявления соответствующими субъектами правовой активности, которая не может быть сведена к реализации ими правовых предписаний, а предполагает более высокий уровень правосознания и поведения в интересах общества. Представляется, что правовая активность может выражаться различным образом (например, окончание расследования уголовного дела ранее срока, установленного уголовно-процессуальным законодательством). Однако, как указывалось ранее некоторыми учеными, профессиональное правосознание может быть охарактеризовано и отрицательно. В литературе отмечается, что «при исследовании рационально-эмоциональных компонентов профессионального правосознания в нем обнаруживаются ...отдельные виды профессиональной деформации, костные стереотипы, шаблонные оценки, порожденные односторонним влиянием опыта» [25, с. 64]. В свое время Н.Я. Соколов

отметил, что, имея свои исключительно сильные стороны, обусловленные профессиональной специализацией, правовое сознание юристов по этой же причине имеет ряд недостатков. Как пишет автор, поскольку профессиональное сознание является наиболее развитой формой сознания юристов, другие его формы могут приобретать определенную юридическую окраску. Поэтому юристы могут воспринимать общественные события и явления через «юридический светофильтр». Одностороннее влияние профессионального опыта юристов может привести к жестким стереотипам, шаблонным оценкам, снижению эмоционального отношения к происходящему, пренебрежению непрофессиональным мнением. Встречаются и такие юристы, которые подвержены формализму, бюрократизму, а порой и сами встают на путь нарушения требований закона [46, с. 22]. Причины нарушения законности самими юристами названы следующие: «Несовершенство действующего законодательства — 55%, отсутствие необходимого профессионального опыта — 41%, слабое знание юристами законодательства — 36%, давление, оказываемое со стороны вышестоящих руководителей» [11, с. 414]. Общетеоретической и практической является проблема правового нигилизма правоприменяющих субъектов [16, с. 91—106].

Обращаясь к анализу профессионального опыта, необходимо учитывать не только его положительные, но и негативные свойства. П.А. Лупинская полагала, что «однотипные юридические ситуации порождают, как правило, стереотипизацию интеллектуальных процессов, шаблонные действия и операции» соответствующих должностных лиц, «затрудняющие увидеть своеобразие того или иного жизненного случая» [20, с. 64—65]. Так, проведенное анкетирование следователей, которое не потеряло актуальности и в настоящее время, показало, что 18% опрошенных совершили действия не потому, что они диктовались социальной ситуацией, а потому, что они ранее рассматривали аналогичные дела и предпринимали такие действия; около 25% проработавших более 5 лет заявили, что у них чаще стала проявляться привычка мыслить и действовать автоматически в ситуациях, которые ранее уже встречались на практике. Характерно, что у 35% следователей при расследовании дел со следственными ошибками наблюдались обвинительный уклон, не критичность, самонадеянность при оценке материалов дела и принятии решения, что обычно связано с проявлением профессиональной деформации, которая возникает по мере увеличения возраста и стажа работы наряду с приобретением профессионального опыта [12, с. 94].

Как известно, право реализуется не самопроизвольно, автоматически, а при активном участии его субъектов, обладающих определенным набором соответствующих качеств. Анализ юридической литературы показывает, что в качестве субъективного фактора, влияющего на правоприменение, чаще всего называется правосознание [32, с. 24, 92], несмотря на то что последнее может быть как прогрессивным, передовым, так и отрицательным, деформированным. Ученые полагают: «Правовое сознание, особенно профессиональное, влияет... на процесс реализации права, воздействуя, тем самым, на правовой порядок социума» [49, с. 408].

Так, С.С. Алексеев считал, что в сложном процессе взаимодействия и взаимообогащения права, юридической практики, правосознания, когда в процессе деятельности правоприменительных органов вырабатываются образцы решения типических юридических дел, последние выступают в виде явлений правосознания [1, с. 146]. В.Л. Кулапов и А.В. Малько полагают, что правосознанию принадлежит значительная роль в различных сферах правовой жизни. Оно составляет внутреннюю идеальную детерминанту любой юридической деятельности [18, с. 180].

Полагаем, что не правосознание и даже не профессиональная правовая культура правоприменяющих субъектов [21, с. 448], а их профессиональная культура отражает личностный аспект правоприменения, и именно она должна учитываться в системе факторов, влияющих на эффективность правоприменения.

Авторы зачастую необоснованно отождествляют два понятия, имеющие разное содержание: профессиональную культуру юристов и их профессионально-правовую культуру. Так, Н.Я. Соколов заявляет, что «поскольку обеспечение слаженного функционирования всех элементов механизма правового регулирования, постоянное поддержание его в рабочем состоянии во многом зависят от уровня профессиональной культуры юристов, становится понятной необходимость всестороннего научного исследования проблем профессионально-правовой культуры...» [10, с. 43, 45, 123—125]. Или другой пример: «Мы понимаем термины “правовая культура юристов”, “профессиональная культура юристов”, “профессиональная правовая культура”, а также “профессионально-юридическая культура” как совпадающие, равнозначные» [45, с. 45].

Думается, что, напротив, понятия профессиональной культуры юристов и их профессионально-правовой культуры не совпадают, а соотносятся как общее и часть.

По мнению А.П. Гладилина, например, профессиональная культура правоприменяющих субъектов в правоохранительной сфере представляет «своего рода сплав правовых и нравственных ценностей, которым должен располагать каждый сотрудник, а также устойчивую сумму знаний, навыков и качеств, вошедших в постоянный обиход профессии и составляющих системную целостность, нарушение которой означает снижение, а затем исчезновение культуры как таковой» [6, с. 3]. Содержание профессиональной культуры юристов достаточно детально под разными углами зрения исследовалось многими учеными [7].

В литературе по проблемам профессионализма юристов более обоснованную позицию занимала Н.Л. Гранат, определявшая его как результат реализации профессиональной культуры на уровне общества, группы или личности. По мнению автора, основными составляющими профессиональной культуры являются профессионально-правовая (или профессионально-юридическая) и профессионально-нравственная области культуры, которые функционируют во взаимодействии с другими областями культуры (политической, эстетической и т. д.) [8, с. 46].

В другой работе Н.Л. Гранат подчеркивала: профессиональная культура должна рассматриваться, с одной стороны, как разновидность общей культуры, а с другой стороны, как более высокий уровень прежде всего правовой, а также нравственной культуры, которая играет определенную роль в выборе правомерного варианта поведения в юридически значимых ситуациях [9, с. 10—11]. Соглашаясь с данными положениями, следует обратить внимание и на профессионально-психологическую составляющую профессиональной культуры юристов, особенно тех из них, кто занимается правоприменительной деятельностью в правоохранительной сфере. В свое время А.Р. Рапинов справедливо писал: «...при решении сложных познавательных задач эмпирического опыта бывает недостаточно. Так, без серьезной психологической подготовки невозможно раскрыть и успешно расследовать преступления неочевидного характера» [41, с. 3]. Полагаем, что слабая психологическая подготовка выступает хроническим болезненным изъяном профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Недостатки в психологической подготовке зачастую приводят к использованию силовых методов, насилия, угроз и других незаконных мер. В современных условиях требуется глубокое понимание того, что специальное юридическое образование без профессионально-психологической подготовки — скрытый и опасный

дефект, который в сложных ситуациях оперативно-служебной деятельности может свести на нет юридическую подготовку сотрудника и привести к срывам и ошибкам. Например, очень часто именно психологическая совместимость, контакт с теми, кто совершил преступление, со свидетелями или потерпевшими, боящимися давать показания по каким-либо причинам, вообще с любым человеком, с которым сотрудник сталкивается в процессе своей деятельности, могут привести к успеху.

Рассматривая профессиональную культуру юристов, следует, на наш взгляд, сделать следующие оговорки.

Во-первых, все ее компоненты (или области) как части целого (профессиональной культуры) имеют одинаковое значение с точки зрения эффективности правоохранительной деятельности, хотя на различных стадиях правоприменения проявляются в различном объеме и степени.

Во-вторых, профессиональная культура — это все-таки идеальная модель, теоретическая конструкция, включающая в свое содержание лишь положительные структурные компоненты. Идеал — это образ действительности, мысленно освобожденный от ее негативных сторон, доведенный до статуса образца. В идеале воплощается стремление человека к совершенству, стимулирующее его волю, способности, силы и направляющее их на практические действия во имя его реализации. Однако, как верно заметил А.А. Милтс, «никогда по-настоящему не познать и не понять личность, если мы будем уделять внимание только ее подъему, если не научимся учитывать ее теневые стороны, проникать в причины ее падения, распада, деградации... зачастую мы слишком узкомерно судим о формировании личности, создаем идеальные модели личностей, свободных от жизненных противоречий, теневых сторон» [26, с. 7—8]. Учитывая эти философские рассуждения, полагаем, что профессиональную культуру юристов необходимо анализировать критически, исходя из соотношения должного и сущего.

Саму же правовую культуру, в том числе и профессиональную, выступающую ядром профессиональной культуры, ученые понимают по-разному. Так, Л.А. Морозова полагает, что чаще всего в правовой культуре личности вычленяют три составляющие: знания о праве; отношение к праву (думается, речь должна идти об уважительном отношении к праву. — *В.К.*); навыки правового поведения (здесь следует говорить только о правомерном поведении. — *В.К.*). Она же подчеркивает: «Человек, обладающий высокой правовой культурой, должен ориентироваться в законодательстве,

обладать позитивным правосознанием, основанном на уважении права, уметь при необходимости правильно его реализовать, в том числе в конфликтных ситуациях» [28, с. 406—407]. В.П. Сальников в весьма лаконичной форме утверждает: «Правовая культура личности предполагает ее позитивное правовое сознание в действии» [43, с. 502]. Другие авторы полагают, что правовая культура личности, являясь составной частью правовой культуры общества, предполагает знание, понимание, уважение и сознательное выполнение правовых предписаний в жизнедеятельности индивида [42, с. 153, 141, 448]. В основном соглашаясь с данной позицией, касающейся правовой культуры личности, трудно солидаризироваться с той ее частью, согласно которой первая признается в качестве составной части правовой культуры общества, ибо речь идет о различных видах правовой культуры, различающихся как по содержанию, так и по механизму формирования.

Полагаем, что кроме названных в определениях правовой культуры личности компонентов в качестве относительно самостоятельного элемента выступает ее правовая активность. Справедливости ради заметим, что на это в той или иной форме, чаще всего косвенно, обращают внимание и другие ученые. Например, по мнению А.Ф. Никитина, «человек, у которого воспитано уважение к закону, готов не только показывать пример поведения в соответствии с нормами общественной жизни, но и встать, если нужно, на защиту законности» [30, с. 20]. В свое время А.И. Экимов, определяя правовую культуру как единство правовых знаний, оценок и поведения, уточнял, что «иметь правовую культуру — значит не только самому исполнять требования юридических норм, но и добиваться того, чтобы и другие субъекты следовали им», «правовая культура предполагает также оценку правомерности поступков других лиц и действия, направленные на то, чтобы воспрепятствовать совершению ими правонарушений» [53, с. 145].

Более определенно свою позицию по вопросу правовой культуры индивида высказал А.А. Фомин, выделяющий в качестве ее основных компонентов следующие: правосознание (знание и понимание права, уважительное отношение к закону); привычку к правомерному, законопослушному поведению; правовую активность, т. е. умение эффективно использовать правовые средства для достижения своих целей, реализации субъективных прав и свобод. При этом уточняется, что не всякое правомерное поведение можно считать осуществлением такой активности. Так, не следует к ней

относить простое инициативное исполнение своих обязанностей, ибо такая инициатива является прямым служебным долгом юриста и заключается в обязанности безусловно служить закону [50, с. 144]. Еще ранее Н.Л. Гранат, рассматривая правоактивное поведение как один из видов (образцов) правомерного поведения, наряду с привычным, конформистским и маргинальным, обращала внимание на то, что инициатива, добросовестность, дополнительные затраты времени, энергии придают правомерному поведению высшее качество, позволяющее говорить о правовой активности лица [48, с. 185].

Не вступая в полемику по проблеме понятия и признаков правовой активности, полагаем, что последняя может определяться, с одной стороны, как свойство, содержательная характеристика личности, выражающаяся в готовности к активной деятельности в сфере права на основе уважительного отношения к праву, солидарности с его принципами и нормами (внутренний аспект), а с другой стороны, как позитивная, целенаправленная, инициативная, сознательная, зачастую творческая и интенсивная деятельность личности, превосходящая обычные требования к возможному или должному поведению, направленная на укрепление демократии, законности и правопорядка (внешнее ее проявление). При этом все признаки правовой активности, имеющие значение для характеристики ее реального существования, следует дифференцировать на постоянные и непостоянные. К числу первых относятся самодеятельность, т. е. сознательная, свободная, не внешне, а внутренне необходимая, интенсивная деятельность; ко вторым — инициативность, творческий характер и систематичность. При характеристике правовой активности указанные аспекты должны рассматриваться в единстве, ибо внутренняя правовая активность выступает предпосылкой внешнего ее проявления [17, с. 43—44].

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, профессиональное правосознание юристов должно рассматриваться диалектически, с учетом его положительных и отрицательных свойств.

Во-вторых, высокий уровень недеформированного профессионального правосознания служит основой профессионально-правовой культуры правоприменяющих субъектов.

В-третьих, последняя выступает в качестве неотъемлемой составной части профессиональной культуры юристов, которая должна учитываться в системе факторов, влияющих на эффективность правоприменения.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. М., 2008.
2. Байниязов Р.С. Правосознание и правоохранительная деятельность // Современное право. 2011. № 6.
3. Баранов П.П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
4. Басков О.О. О предварительном следствии // Советская юстиция. 1990. № 15.
5. Власов В.И., Власова Г.Б. Теория государства и права: учеб. пособие. Ростов н/Д., 2011.
6. Гладилин А.П. Профессиональная культура и имидж руководителя органов внутренних дел (философско-культурологический аспект). М., 1998.
7. Гранат Н.Л., Макуев Р.Х. Профессиональная культура и правоприменительная деятельность органов внутренних дел. М., 1994.
8. Гранат Н.Л. Профессионализм как принцип организации и деятельности органов внутренних дел // Профессиональные и общественные начала в деятельности органов внутренних дел: история и современность. М., 1990.
9. Гранат Н.Л. Профессиональное сознание и социалистическая законность в деятельности органов внутренних дел. М., 1984.
10. Дашков Г.В. Рецензия на учебное пособие Н.Я. Соколова «Профессиональная культура юристов и законность» // Государство и право. 2011. № 7.
11. Дашков Г.В. Рецензия на научно-практическое пособие Н.Я. Соколова «Профессиональная культура юристов» (по итогам социологического исследования) // Государство и право. 2008. № 9.
12. Дубриный В.А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Саратов, 1989.
13. Иванников И.А. Общая теория государства и права: учеб. пособие. М., 2008.
14. Карташов В.Н., Тимофеев А.В. Личный юридический опыт: сущность и строение // Психологический механизм юридической деятельности (личностный аспект): моногр. / под общ. ред. В.Н. Карташова. Ярославль, 2010.
15. Ковалев О.Г., Емельянов С.Н. Психолого-педагогические основы формирования профессиональной культуры юриста в системе высшего профессионального образования. Владимир, 2004.
16. Кожевников В.В., Марфицин П.Г. Правовой нигилизм следователя // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: межвузовский сб. научных трудов. Омск, 1999.
17. Кожевников В.В. Факторы, обуславливающие правовую активность участников правоотношений, возникающих в деятельности органов внутренних дел на досудебных стадиях российского уголовного процесса: моногр. Омск, 2003.
18. Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. М., 2009.
19. Лазарев В.В. Противоречие между общественными и профессиональными началами в поддержании общественного порядка // Политическая реформа: цели, противоречия, этапы. М., 1983.
20. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы. М., 1976.
21. Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Теория государства и права: практикум. Ростов н/Д., 2010.
22. Макуев Р.Х. Теория государства и права: учеб. М., 2010.
23. Малахов С.П. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права: учеб. / под ред. А.Г. Хабибулина, В.В. Лазарева. М., 2009.
24. Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб. пособие. М., 2007.
25. Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел: пособие. Л., 1986.
26. Милтс А.А. Гармония и дисгармония. М., 1984.
27. Морозова Л.А. Теория государства и права. Повторительный курс в вопросах и ответах. М., 2003.
28. Морозова Л.А. Теория государства и права: учеб. М., 2007.
29. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. М., 2010.
30. Никитин А.Ф. Что такое правовая культура? М., 1988.
31. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 1994.
32. Осипов М.Ю. Эффективность правотворчества, реализации права и правоприменения: понятие и соотношение // Правоведение. 2011. № 11.
33. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учеб. М., 2012.
34. Попков В.Д. Правосознание // Теория государства и права: учеб. / под ред. М.Н. Марченко. М., 2009.
35. Проблемы теории государства и права: учеб. / под ред. В.М. Сырых. М., 2008.
36. Протасов В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. М., 2010.
37. Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.И. Теория государства и права: учеб. М., 2012.
38. Радько Т.Н. Теория государства и права: учеб. М., 2005.
39. Рассказов Л.П. Теория государства и права: учеб. М., 2008.
40. Рассолов Л.П. Теория государства и права: учеб. М., 2008.
41. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 2001.
42. Ромашов Р.Л., Оль П.А., Сальников М.В. Основы теории государства и права: учеб. СПб., 2002.
43. Сальников В.П. Правовая культура // Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
44. Синюкова Т.В. Правосознание и правовое воспитание // Теория государства и права: учеб. / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2007.
45. Соколов Н.Я. Профессиональная культура юристов и законность: учеб. пособие. М., 2011.
46. Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов. М., 1988.
47. Спиридонов Л.И. Теория государства и права: учеб. М., 1995.

48. Теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. М., 1997.

49. Философия права: курс лекций: в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 1. М., 2011.

50. Фомин А.А. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права: учеб. / под ред. А.В. Малько, А.Ю. Саломатина. СПб., 2007.

51. Червонюк В.И. Теория государства и права: учеб. М., 2006.

52. Чистяков Н.М. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2010.

53. Экимов А.И. Социалистическое правосознание. Правовая культура // Теория государства и права: учеб. / под ред. А.И. Королева, Л.С. Явича. Л., 1987.

References

1. Alekseev S.S. Obshhaja teorija prava: ucheb. M., 2008.

2. Bajnijazov R.S. Pravosochnanie i pravoohranitel'naja dejatel'nost' // Sovremennoe pravo. 2011. № 6.

3. Baranov P.P. Pravosochnanie i pravovoe vospitanie // Obshhaja teorija prava: kurs lekciy / pod red. V.K. Babaeva. N. Novgorod, 1993.

4. Baskov O.O. O predvaritel'nom sledstvii // Sovetskaja justicija. 1990. № 15.

5. Vlasov V.I., Vlasova G.B. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. posobie. Rostov n/D., 2011.

6. Gladilin A.P. Professional'naja kul'tura i imidzh rukovoditelja organov vnutrennih del (filosofsko-kul'turologicheskij aspekt). M., 1998.

7. Granat N.L., Makuev R.H. Professional'naja kul'tura i pravoprimenitel'naja dejatel'nost' organov vnutrennih del. M., 1994.

8. Granat N.L. Professionalizm kak princip organizacii i dejatel'nosti organov vnutrennih del // Professional'nye i obshhestvennye nachala v dejatel'nosti organov vnutrennih del: istorija i sovremenost'. M., 1990.

9. Granat N.L. Professional'noe soznanie i socialisticheskaja zakonnost' v dejatel'nosti organov vnutrennih del. M., 1984.

10. Dashkov G.V. Recenzija na uchebnoe posobie N.Ja. Sokolova «Professional'naja kul'tura juristov i zakonnost'» // Gosudarstvo i pravo. 2011. № 7.

11. Dashkov G.V. Recenzija na nauchno-prakticheskoe posobie N.Ja. Sokolova «Professional'naja kul'tura juristov» (po itogam sociologicheskogo issledovanija) // Gosudarstvo i pravo. 2008. № 9.

12. Dubrivnyj V.A. Dejatel'nost' sledovatelja po rassledovaniju prestuplenij. Saratov, 1989.

13. Ivannikov I.A. Obshhaja teorija gosudarstva i prava: ucheb. posobie. M., 2008.

14. Kartashov V.N., Timofeev A.V. Lichnyj juridicheskij opyt: sushhnost' i stroenie // Psihologicheskij mehanizm juridicheskoy dejatel'nosti (lichnostnyj aspekt): monogr. / pod obshch. red. V.N. Kartashova. Jaroslavl', 2010.

15. Kovalev O.G., Emel'janov S.N. Psihologo-pedagogicheskie osnovy formirovanija professional'noj kul'tury jurista v sisteme vysshego professional'nogo obrazovanija. Vladimir, 2004.

16. Kozhevnikov V.V., Marficin P.G. Pravovoj nигilizm sledovatelja // Problemy protivodejstvija

prestupnosti v sovremennyh uslovijah: mezhvuzovskij sb. nauchnyh trudov. Omsk, 1999.

17. Kozhevnikov V.V. Faktory, obuslovlivajushhie pravovuju aktivnost' uchastnikov pravootnoshenij, vznikajushhij v dejatel'nosti organov vnutrennih del na dosudebnyh stadijah rossijskogo ugolovno go processa: monogr. Omsk, 2003.

18. Kulapov V.L., Mal'ko A.V. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. M., 2009.

19. Lazarev V.V. Protivorechie mezhdru obshhestvennymi i professional'nymi nachalami v podderzhanii obshhestvennogo porjadka // Politicheskaja reforma: celi, protivorechija, jetapy. M., 1983.

20. Lupinskaja P.A. Reshenija v ugolovnom sudoproizvodstve: ih vidy, sodержanie i formy. M., 1976.

21. Ljubashic V.Ja., Mordovcev A.Ju., Mamychev A.Ju. Teorija gosudarstva i prava: praktikum. Rostov n/D., 2010.

22. Makuev R.H. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. M., 2010.

23. Malahov S.P. Pravosochnanie i pravovaja kul'tura // Teorija gosudarstva i prava: ucheb. / pod red. A.G. Habibulina, V.V. Lazareva. M., 2009.

24. Mal'ko A.V. Teorija gosudarstva i prava v voprosah i otvetah: ucheb. posobie. M., 2007.

25. Metodologicheskie problemy pravosochnanija sotrudnikov organov vnutrennih del: posobie. L., 1986.

26. Milts A.A. Garmonija i disgarmonija. M., 1984.

27. Morozova L.A. Teorija gosudarstva i prava. Povtoritel'nyj kurs v voprosah i otvetah. M., 2003.

28. Morozova L.A. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. M., 2007.

29. Nersesjanc V.S. Obshhaja teorija prava i gosudarstva: ucheb. M., 2010.

30. Nikitin A.F. Chto takoe pravovaja kul'tura? M., 1988.

31. Obshhaja teorija prava i gosudarstva / pod red. V.V. Lazareva. M., 1994.

32. Osipov M.Ju. Jeффективnost' pravotvorchestva, realizacii prava i pravoprimenenija: ponjatie i sootnoshenie // Pravovedenie. 2011. № 11.

33. Perevalov V.D. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. M., 2012.

34. Popkov V.D. Pravosochnanie // Teorija gosudarstva i prava: ucheb. / pod red. M.N. Marchenko. M., 2009.

35. Problemy teorii gosudarstva i prava: ucheb. / pod red. V.M. Syryh. M., 2008.

36. Protasov V.N., Protasova N.V. Lekcii po obshhej teorii prava i teorii gosudarstva. M., 2010.

37. Rad'ko T.N., Lazarev V.V., Morozova L.I. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. M., 2012.

38. Rad'ko T.N. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. M., 2005.

39. Rasskazov L.P. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. M., 2008.

40. Rassolov L.P. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. M., 2008.

41. Ratinov A.R. Sudebnaja psihologija dlja sledovatelej. M., 2001.

42. Romashov R.L., Ol' P.A., Sal'nikov M.V. Osnovy teorii gosudarstva i prava: ucheb. SPb., 2002.

43. Sal'nikov V.P. Pravovaja kul'tura // Obshhaja teorija prava: kurs lekciy / pod red. V.K. Babaeva. N. Novgorod, 1993.

44. Sinjukova T.V. Pravosoznanie i pravovoe vospitanie // Teorija gosudarstva i prava: ucheb. / pod red. N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. M., 2007.
45. Sokolov N.Ja. Professional'naja kul'tura juristov i zakonnost': ucheb. posobie. M., 2011.
46. Sokolov N.Ja. Professional'noe soznanie juristov. M., 1988.
47. Spiridonov L.I. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. M., 1995.
48. Teorija prava i gosudarstva: ucheb. / pod red. V.V. Lazareva. M., 1997.
49. Filosofija prava: kurs lekcij: v 2 t. / pod red. M.N. Marchenko. T. 1. M., 2011.
50. Fomin A.A. Pravosoznanie i pravovaja kul'tura // Teorija gosudarstva i prava: ucheb. / pod red. A.V. Mal'ko, A.Ju. Salomatina. SPb., 2007.
51. Chervonjuk V.I. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. M., 2006.
52. Chistjakov N.M. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. posobie. M., 2010.
53. Jekimov A.I. Socialisticheskoe pravosoznanie. Pravovaja kul'tura // Teorija gosudarstva i prava: ucheb. / pod red. A.I. Koroleva, L.S. Javicha. L., 1987.

Problem of Professional Legal Consciousness in the Field of Law Enforcement

Vladimir V. Kozhevnikov,

Doct. in Law, Prof. of Dept. of Theory and History of State and Law
at Dostoevsky Omsk State University
Russia, Omsk
hta6973@rambler.ru

Professional legal consciousness of practicing lawyers is analyzed from the perspective of dialectical approach drawing attention to its positive and negative features. It is argued that a high level of undeformed legal consciousness is the basis of legal culture of lawyers. The latter is a part of professional culture, which have to be considered in the system of factors influencing the effectiveness of law enforcement.

Keywords: *legal consciousness, competences, professional experience, professional culture, effectiveness of law enforcement.*